

В январе 2020 года отмечается 160 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова (1860—1904) — замечательного русского классика, в личности которого добропорядочность, мягкость и деликатность сочетались с мужеством и силой воли.

«Возмужалость» и «чувство личной свободы» писатель воспитывал в себе с ранней юности. Собственное нелегкое начало на заре жизни, когда гимназисту Антоше Чехову приходилось за гроши давать уроки купеческим детям, чтобы содержать не только себя, но и помогать родительской семье, обрисовал он впоследствии в письме к издателю А. С. Суворину 7 января 1889 года: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества,— напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

Знаменательно, что ставшая знаменитой чеховская установка — выдавливать «из себя по каплям раба» — была сформулирована в Святочные дни, и звучит она в полном соответствии с евангельской заповедью свободы во Христе, освобождения человека от рабства, греха и от ига страха смерти. В послании святого апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, *«дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех»* (Евр. 2: 9), *«И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству»* (Евр. 2: 15); *«Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа»* (Гал. 4: 7). Таким образом, событиями Рождества и Воскресения Христова утверждается ценность, достоинство и духовная свобода человека, который уже не является узником и рабом ни других людей, ни собственного тела, но наоборот — вмещает в себя все мироздание.

Чеховское художественное творчество занимает особое место среди многообразия русской святочной словесности. Писатель много и увлеченно работал в святочном жанре и, следуя своему принципу «краткость — сестра таланта», нередко создавал настолько лаконичные произведения, что некоторые читатели и литературные критики упрекали его за крохотный объем рассказов — «меньше воробьиного носа». Это даже не рассказы в привычном жанровом отношении, а «вещицы», зарисовки, миниатюры.

Однако в сжатую до пределов форму художнику слова удавалось вместить чрезвычайно емкое содержание — глубокое исследование человеческой природы, русской жизни и социальных отношений. «Умею коротко говорить о длинных вещах», — так сам Чехов афористически характеризовал эту особенность своего писательского дарования.

С пронизательностью опытного редактора Н. А. Лейкин, сознавая, что своим успехом у читателей его журнал «Осколки» во многом обязан Антоше Чехонте, сразу же оценил талант молодого автора. «Что Вам робеть? Вы писатель опытный и уже давно набили руку, — писал редактор «Осколков» двадцатитрехлетнему Чехову. — У Вас литературное чутье».

Также охотно публиковал чеховские рассказы журнал «Зритель». Его святочные выпуски за 1883 год почти целиком заполнены «вещицами» Чехова. Среди них — забавная зарисовка из мещанского быта **«Мошенники поневоле»**, которую автор снабдил иронически-выразительным подзаголовком *«новогодняя побрехушка»*; новогодний *«психологический этюд»* «Пережитое»; *«подновогодние картинки»* **«Гадальщики и гадалщицы»** («Зритель», 1883, № 1); святочный *«фантастический рассказ»* **«Кривое зеркало»**; *«юмореска»* **«Ряженые»** («Зритель», 1883, № 2).

Уже одни только подзаголовки этих святочных «вещиц» демонстрируют неистощимую жанровую изобретательность молодого автора, его стремление разнообразить привычный и, возможно, приевшийся читателю типичный святочный рассказ, выстроенный по устоявшимся канонам, в котором обычно все известно заранее. Новаторское творчество Чехова в традиционном жанре — в ряду немногих счастливых исключений. В основном так называемая массовая святочная литература повторяла из года в год один и тот же набор заезженных, давно отработанных мотивов и образов.

Но вот необычный поворот темы встречи Нового года и неизменно связываемых с ним надежд. В стихотворении **«Встреча»** за подписью В. Шуф показано свидание необыкновенных возлюбленных — Нового года и Надежды. Однако любимый здесь — это изменник, неверный обманщик-соблазнитель:

<...> Сердцу верится, как прежде...

Но, как Старый, в свой черед

Новый год солжет Надежде,

И обманет, и уйдет.

Подобный взгляд на будущее в преддверии Нового года высказывал молодой Чехов: «Все старо, все надоело и ждать нечего <...> Канальи останутся канальями, барышники останутся барышниками. Кто брал взятки, тот и в этом году не будет против благодарности...» («Осколки», 1884, № 1).

В юмористической прессе и Старый, и Новый год, обманувшие возлагаемые на них надежды, выступают обвиняемыми, подсудимыми. В том же ключе, используя форму и стилистику юридических документов, молодой Чехов составил **«Завещание старого, 1883 года»** и **«Контракт 1884 года с Человечеством»**:

«Тысяча восемьсот семьдесят четвертого года, января 1 дня, мы, нижеподписавшиеся, Человечество, с одной стороны, и Новый 1884 год — с другой, заключили между собой договор, по которому:

- 1). Я, Человечество, обязуюсь встретить и проводить Новый 1884 год с шампанским, визитами, скандалами и протоколами.
  - 2). Обязуюсь назвать его именем все имеющиеся на Земном шаре календари.
  - 3). Обязуюсь возлагать на него великие надежды.
  - 4). Я, Новый 1884 год, обязуюсь не оправдать этих надежд <...>
- Нотариус: Человек без селезенки. М.П.»*.

Особенно ощутима в святочном творчестве Чехова поэтика театра марионеток, кукольной комедии, стилистика райка, вертепа, святочных игрищ. Художественный мир чеховских рассказов — при всей его кажущейся обыденности — ироничный и парадоксальный, полный «сюрпризов и внезапностей», непредвиденных метаморфоз, маскированных «ряженных» персонажей...

Чеховские новогодние «вещицы» населяет целая толпа «ряженных». Этот традиционный для русской святочной словесности образ выносится в заглавие, объединяя серии сенок и зарисовок, которые заполнили январский номер журнала «Зритель» за 1883 год. А в 1886 году в новогоднем номере «Петербургской газеты» под пером Чехова появляется новый сюжетный ряд под тем же названием — «**Ряженные**».

Писатель переосмысливает зимний праздничный обычай ряжения — костюмированного веселого розыгрыша. В чеховских миниатюрах новогодний маскарад открывается своим внутренним планом — неприглядным, уродливым, гротескным.

Так, герой одной из сенок — адвокат — страстно защищает в суде невинную женщину: «Глаза адвоката горят, щеки его пылают, в голосе слышны слезы. Он страдает за подсудимую, и если ее обвинят, он умрет с горя!..» (С2, 8). «Он поэт», — шепчут зрители. Но экзальтированные чувства, возвышенный пыл его речи имеют вовсе не поэтическую, а самую тривиальную корыстную подоплеку: «Дай мне истец сотней больше, я уpek бы ее! — думает он.— В роли обвинителя я был бы эффектней!» (С2, 8). **Недаром говорят в русском народе о продажных юристах — горезащитниках: «Аблакат (адвокат) — нанятая совесть».**

В другом сюжете «пьяное умиление» деревенского мужичонки, который все время приплясывает и «визжит на гармонике», — тоже маска. «Ему весело живется, не правда ли? Нет, он ряженный. «Жрать хочется», — думает он» (С2, 8).

Писатель убеждает не верить бутафорской внешности, позе и в доказательство снимает маски со своих персонажей, открывая их сокровенные мысли. В этой серии рассказов не только автор делает выводы, но и его герои, устраняя самообман, выносят себе приговор: «Я ряженный. Наедет ревизор, и все узнают, что я только ряженный!..» (С2, 8); «Я ряженная, — думает нарядно одетая барыня. — <...> Завтра или послезавтра барон сойдется с Nadine и снимет с меня все это...» (С2, 7).

Не правда ли, не раз в жизни мы встречали подкупленных адвокатов с подобной юридической шайкой, чиновников-расхитителей казны, воров-коррупционеров, продажных содержанок и прочих ряженных персонажей, прикрытых благопристойной личиной, хотя на каждом из них словно висит ярлык с ценой...

Есть в чеховском цикле и настоящие ряженные — зарисовка любимого народного развлечения на зимних праздниках. Однако под пером писателя это отнюдь не сезонно-бытовой эпизод. На «маленького солдатика в старой шинелишке» набрасывается унтер: «Ты отчего же мне чести не отдаешь? <...> А? Почему? Постой! Который ты это? Зачем?»

— Миленький, да ведь мы ряженные! — говорит бабым голосом солдатик, и толпа вместе с унтером закатывается звонким смехом...» (С2, 7)

---

* Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1974—1988.— Сочинения. — Т. 2.— С. 306. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страниц арабскими цифрами. Литерами С и П обозначены Сочинения и Письма.

Эта крохотная сценка наполнена актуально-общественным смыслом, отражает «время и нравы». В косноязычных выкриках охранителя власти слышится другой чеховский унтер — Пришибеев — зловеющий символ кабального угнетения и подавления личности в деспотическом государстве.

Так, в миниатюрных зарисовках, призванных, на первый взгляд, всего лишь развлечь и позабавить читателя юмористических журналов, Чехов изобличает черты социального зла, несправедливо устроенного общества, искаженной грехом человеческой природы: всеобщую продажность, ложь, позерство, лицемерие. Мы видим даже «храм ряженный» (С2, 8). Здесь «ряжение» — то же, что приспособленчество, «хамелеонство», бесовство.

Чеховская выставка «ряженных» 1886 года очень напоминает «население» «**Невского проспекта**» Н. В. Гоголя: «О, не верьте этому Невскому проспекту! <...> Все обман, все мечта, все не то, чем кажется! <...> Он лжет во всякое время, этот Невский проспект»*. В сходном стилистическом ключе: «Выходите на улицу и глядите на ряженных» (С4, 276) — Чехов нашел оригинальный поворот темы, показал гротескное ряжение наоборот, шиворот-навыворот: не люди оделись в маскарадные костюмы, а звери вырядились людьми, маскируя свою хищную, животную, бездуховную и безбожную сущность. «Вот солидно, подняв с достоинством голову, шагает что-то, нарядившееся человеком. Это «что-то» толсто, обрюзгло и плешиво <...> Говорит оно чепуху <...> Это — свинья» (С4, 276). В «нарядившемся рецензентом» «по бесшабашному лаю, хватанию за икры, скаленью зубов нетрудно узнать <...> цепного пса» (С4, 277).

В этом перевернутом мире «закройщик модной мастерской» вырядился драматургом. Рядом стоят талант, загримировавшийся забуддыгой, и бездарный позер, «нарядившийся талантом» (С4, 277). Вот пробегает «лисица». Мчится в роскошных санях «чертова перечница» в костюме «дамы-благотворительницы». Из 1013 рублей 43 коп., собранных «для страждущего человечества», бедные получают только 43 копейки, остальное пойдет на расходы по благотворению» (С4, 276).

Чехов не просто раздвигает устоявшиеся жанровые рамки новогоднего рассказа, он иронизирует над самой праздничной традицией, превратившейся в бессмысленный и бездуховный обряд: новогодние поздравления-«приневоливания», выматывающие визиты, гости, непременно бокал шампанского и т.п.

Погружаясь в суету сует, забывая о Боге, человек превращается в пустую оболочку. Но, как известно, свято место пусто не бывает. Если душа не наполнена жизнью по Божьим заповедям, ее вмиг заполоняют иные существа, через суету ведущие в ад, погибель и глеч. Именно образ ада и его обитателей с высунутыми языками и вытаращенными глазами рисуется у Чехова взамен традиционно умильного зрелища зимних праздников: «На улицах картина ада в золотой раме... Если бы не праздничное выражение на лицах дворников и городских, то можно было бы подумать, что к столице подступает неприятель. Взад и вперед, с треском и шумом снуют парадные сани и кареты... На тротуарах, высунув языки и тараща глаза, бегут визитеры...» (С4, 279). А затем ошалевших визитеров — «новогодних великомучеников», которые падают прямо на улицах «без гласа и воздыхания», городские толпами свозят в полицейский приемный покой, где те постепенно приходят в себя.

На ту же тему «**Старая история... на новый лад**»:

«— Извозчик!

— Куда прикажете?

— <...> Что за черт! До того умаялся с визитами, что даже позабыл, где сам живу!.. Вези меня в адресный стол, там справлюсь...»

* Гоголь Н. В. Петербургские повести. Вечера на хуторе близ Диканьки.— М., 2007.— С. 80.

Хорошо всем нам знакомая предновогодняя суматоха и толкотня в современном обществе потребления достигает своего апогея. Уже за месяц до наступления Нового года по всем подвластным каналам преднамеренно запускается одурманивающая программа всеобщей «мобилизации» — подготовки к празднику. Навязчивая реклама день и ночь назойливо призывает запастись подарками и продуктами, шампанским и елками, игрушками и хлопушками, прочими безделушками. Особая доходная статья предновогодней «торговой кабалы» — так называемые «символы года» в виде обезьянок, мышек, хрюшек или других зверюшек. Ополумевшие потребители снуют и носятся между прилавками и витринами буквально, как в рассказе Чехова, «высунув языки и тараща глаза». И вся эта «картина ада в золотой раме» разворачивается в течение Рождественского поста — времени, когда требуется особая духовная сосредоточенность, призванная уводить от мирской суеты и сутолоки.

Неудивительно, что непременная для святочного жанра хвала Новому году в устах чеховских героев нередко обращается в хулу. В рассказе «Шампанское» Чехов пишет: «при встрече Нового года с бокалами в руках кричат ему «ура» в полной уверенности, что ровно через двенадцать месяцев дадут этому году по шее и начихают ему на голову» (С4, 282). Героя святочного рассказа «Ночь на кладбище» в новогоднюю ночь вместо радостных мыслей и чувств переполняют горестные раздумья: «Радоваться такой чепухе, как Новый год, по моему мнению, нелепо и недостойно человеческого разума. Новый год — такая же дрянь, как и старый, с тою только разницею, что старый год был плох, а новый всегда бывает хуже... По-моему, при встрече Нового года нужно не радоваться, а страдать, плакать, покушаться на самоубийство. Не надо забывать, что чем новее год, тем ближе к смерти, тем обширнее плешь, извилистее морщины, старее жена, больше ребят, меньше денег» (С4, 293).

Стихия чеховского смеха, как и у Гоголя, вбирает в себя не только веселую шутку, но и сатиру, сарказм, гротеск. По-гоголевски «невидимые миру слезы» проливает борец со всякой пошлостью Чехов в сердце своем, рисуя «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь»: «Жизнь — канитель <...> Пустое, бесцветное прозябание... мираж... Дни идут за днями, годы за годами, а ты все такая же скотина, как и был... Пройдут еще годы, а ты останешься все тем же Иваном Ивановичем, выпивающим, закусывающим, спящим... В конце концов закопают тебя, болвана, в могилу, поедят на твой счет поминальных блинов и скажут: хороший был человек, но жалко, подлец, мало денег оставил!..» (С4, 294)

В «тине мелочей», болотной жиже неприглядно-пустого и пошлого прозябания барахтается и вязнет, захлебывается и тонет человек, пока не опомнится и не обратится с молитвой о спасении к Богу: «Спаси меня, Боже; ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте и не на чем стать. <...> Извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне» (Пс. 68: 2—3, 15).

И все же, несмотря на страдание от несовершенства несправедливо устроенной жизни, Чехов, испытывая острую тоску по идеалу, сохранил поэтическое ощущение русской зимней сказочности праздника Рождества Христова. «Поздравляю Вас с Рождеством, — обращался он в письме к Д.В. Григоровичу в 1888 году. — Поэтический праздник. Жаль только, что на Руси народ беден и голоден, а то бы этот праздник с его снегом, белыми деревьями и морозом был бы <...> самым красивым временем года. Это время когда, кажется, что сам Бог ездит на санях» (ПЗ, 102).

Эти размышления о красоте Божьего мира гармонируют с сокровенным чеховским убеждением, воплотившимся в известном афоризме, о том, что и «в человеке все должно быть прекрасно».

В. С. Миролюбову Чехов писал: «Надо веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее место шумихой, а искать, искать одиноко, один на один со своею совестью...» (П10, 142).